

© *Галиновский С. А.*

является детищем, хотя и одностороннего, но все же разделяемого большинством социоцентристского стремления к росту благополучия. Крайне радикальным и опасным для будущего общества потребления являются, взращенные им же способы агрессивного поведения в обществе. Одним из таких способов является терроризм параноидальный. Такой терроризм – это замешанное на некрофилии состояние извращенного сознания, которое проявляется в маниакальном влечении к цели и действиям по умерщвлению себе подобных. Маниакально- депрессивный психоз параноидального террориста вновь подвигает его к новым преступным актам поскольку его квазивласть над жизнями людей исчезает вместе с их кончиной. Торжества власти над вещами, созданными производительным трудом, оказывается недостаточно для того, чтобы паразитизм развился и утвердился в современном обществе. Логика развития паразитизма ведет от власти над вещами к ее продвижению и закреплению власти над человеческими жизнями, что и выражает стремление цивилизационного конформизма в условиях потребительского постиндустриального общества к системной завершенности и полноте квазипотребления и квазиобладания.

Решение проблем безопасности общества и человека, как и характер рисков, связанных с формированием коэволюционных механизмов согласования развития общества с закономерностями биосферы, ее переходом в ноосферу, активным построением ноосферы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл; под ред. В. Л. Иноземцева. — М.: Academia, 1999. — 205 с.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек; [Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой]; послесл. А. Филиппова. — М.: Прогресс.Традиция, 2000. — 384 с.
3. Бехманн Г. Общество знания — краткий обзор теоретических поисков / Г. Бехманн // Вопросы философии. — 2010. — № 2. — С. 113-126.
4. Некрасов С. Н. Как гарантировать безопасность России в глобальном мире / С. Н. Некрасов. — Екатеринбург: изд-во УрГСХА. — 2008. — 410 с.
5. Юревич А. В. «Асоциальная социализация» как основа нравственной деградации общества / А. В. Юревич // Вестник РАН, 2011.—Т. 81. — № 1. — С. 3—10.

Галиновский С. А. – аспирант кафедры философии естественных факультетов Одесского Национального Университета имени И. И. Мечникова.

УДК 141:167.1

СИСТЕМНО ПАРАМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОПТИМАЛЬНОСТИ ДЕМОКРАТИИ

В статье рассматривается демократия как система с точки зрения параметрической ОТС, а так же вопрос о её оптимальности.

Ключевые слова: параметрическая ОТС, системные закономерности, значения атрибутивных системных параметров, демократия.

СИСТЕМНО ПАРАМЕТРИЧНИЙ АНАЛІЗ ОПТИМАЛЬНОСТІ ДЕМОКРАТІЇ

У статті розглядається демократія, як система з позицій параметричної ЗТС, а також питання її оптимальності.

Ключові слова: параметрична ЗТС, системні закономірності, значення атрибутивних системних закономірностей, демократія

SYSTEM-PARAMETRIC ANALYSIS OF OPTIMALITY OF THE DEMOCRACY

Democracy from the point of General System Theory, and the questions of optimality of democracy are researched in the article.

Keywords: parametric General System Theory, systematical patterns, value of attributive system parameters, democracy.

Демократия. В наше время принято рассматривать демократию как пример, как образец для развития любой страны. К чему должна стремиться любая страна – так это к демократии. С одной стороны – это хорошо. Демократия – свобода, равенство, братство, соблюдение прав человека, но... Это не главное, что постулируется, главное – это два слова, из которых состоит демократия: демос и кратос, народ и власть: народо–властие.

Несмотря на то, что в пример приводятся древнегреческие демократии, не все были так уж ими восхищены. Среди тех, кто не особенно высоко оценивал демократию, были два, пожалуй, самых выдающихся мыслителей человечества – Платон и Аристотель. В дальнейшей истории хватало и других критиков демократии. В нашем случае мы не задаёмся целью критиковать демократию или наоборот хвалить её, мы просто попытаемся рассмотреть её с позиций параметрической ОТС, и оценить как её преимущества, так и недостатки с данных позиций. Для начала определим, что же такое демократия:

Демократия – политический режим, в основе которого лежит метод коллективного принятия решений с равным воздействием участников на исход процесса или на его существенные стадии.

Мы не будем приводить множество определений, так как в данном случае выделяется основное положение демократии: метод коллективного принятия решений. Данное определение наиболее удобно в нашем случае.

Для начала мы рассмотрим прямую демократию. В прямой демократии основные решения инициируются, принимаются и исполняются непосредственно гражданами; прямое осуществление принятия решений самим населением общего и местного характера; непосредственное правотворчество народа. Представим с системных позиций прямую демократию: в ней нельзя представить такого чёткого разделения населения и политической системы. В принципе, основная масса населения находится в составе политической системы. Такая система будет обладать таким значением атрибутивного системного как не завершённость (широкие возможности для изменения курса государства). С другой стороны должна быть авторегенеративна по субстрату (естественный прирост, человек по достижению определённого возраста может участвовать в политической деятельности, таким образом пополняя систему), по отношениям (человек погружён в систему, есть возможность того, что и отношения будут регенерироваться, по крайней мере мы можем предположить это на основе общесистемных закономерностей выделяемых А. Уёмовым: «Системы авторегенеративные по элементам оказались авторегенеративными и по отношениям.»; «Системы, которым присуще свойство авторегенеративности по элементам, как правило, обладают и свойством стационарности.»; «Системы, которым присуще свойство авторегенеративности по элементам, обладают и свойством стабильности до структуре» [8, с.182–186]. Исходя из ранее сказанного, система – стационарна и стабильна. Но будет ли данная система сильной? Скорее всего нет: ведь в основе демократии лежит множественность позиций, свобода высказывания этих позиций и так далее. Если система будет сильная, должна быть структура, которая вела бы пропаганду, давала определённую идеологическую подготовку и т.д. Таким образом, происходит противоречие с основными понятиями демократии. Образуется множество противоречий, толков и течений в системе... Это всё увеличивает разнообразие в системе, которое в какой–то момент может привести к энтропии.

В качестве примера приведём Афинскую демократию. Действительно, несмотря на ряд катастрофических ситуаций просуществовала до 146 г. до н.э. Принято называть её прямой демократией. Однако, данная система была сильная. Дело в том, что система образования в Афинах была построена так, чтобы в итоге получить гражданина, готового защищать свою родину и участвовать в политической деятельности. Прямая демократия с одной стороны зарекомендовала себя очень хорошо, с другой стороны управление чем – то большим, чем полис, становилось сложной задачей. В относительный мирный период Афины смогли установить свою гегемонию за счёт экономического могущества. Во время Пелопонесской войны афиняне занимались в основном склоками между собой. Народное собрание изгоняло и снимало с должностей прекрасных военачальников и казнило других... [6 с.210–215] Это было вызвано тем, что демос легко поддавался страхам, панике и т.д. Вследствие чего успешно удалял наиболее удачливых политиков. Ситуация в Спарте была гораздо сложнее во время Пелопонесской войны, но исход войны известен всем: победила тоталитарная Спарта.

С другой стороны, существует принцип демократического централизма, когда принятое решение общеобязательно для выполнения до момента его отмены или официального

опротестования. Это действительно в какой-то степени превращает систему в центрированную систему. Исходя же из системной закономерности «Не оказалось центрированных систем, не обладающих свойством стационарности» [8, с.183], то такая система становится стационарной, то есть не восприимчивой к изменениям в субстрате, что позволяет оптимизировать систему.

Приведём ещё один пример прямой демократии, которая просуществовала до наших дней более-менее успешно. Это Швейцария. Тут во многом целостности и силе системы помогла церковь, особенно распространение кальвинизма, на концепте которого и строились все взаимоотношения в системе. А наиболее неконтролируемые элементы системы обычно выплескивались в виде банд наёмников, которые служили, как правило, где-то далеко и не дестабилизировали систему. С другой стороны, гражданская война в Швейцарии, вызванная желанием Зондербунда (союз католических кантонов) [2] отделиться от основной массы показывает, что разнообразие субстратное и разнообразие в отношениях привело к дестабилизации системы.

Таким образом, прямая демократия обладает такими значениями атрибутивных системных параметров: авторегенеративная по отношению и элементам, стационарная, стабильная и не завершённая. Остается лишь открытым вопрос о её силе, но при должном развитии образования, идеологии и т.п., прямая демократия может быть и сильной системой. Если она обладает таким набором значений параметров, то мы можем сказать, что такая система будет оптимальна.

В наше время в большинстве демократических стран господствует либеральная демократия, а не прямая. Томас Пейн в своей работе «Права человека» считал главным недостатком прямой демократии, только то, что для больших территорий она не годилась [4]. В принципе он стал одним из «разработчиков» идеи либеральной демократии, которая ныне принята образцом и господствует в большинстве из демократических стран. Либеральная демократия является формой общественно-политического устройства – правовым государством на основе представительной демократии, в котором воля большинства и способность избранных представителей осуществлять власть ограничены во имя защиты прав меньшинства и свобод отдельных граждан. «Либеральная демократия ставит своей целью равное обеспечение каждому гражданину прав на соблюдение надлежащих правовых процедур, частную собственность, неприкосновенность личной жизни, свободу слова, свободу собраний и свободу вероисповедания. Эти либеральные права закреплены в высших законах (таких как конституция или статут либо же в прецедентных решениях, вынесенных верховными судебными инстанциями), которые, в свою очередь, наделяют различные государственные и общественные органы полномочиями с целью обеспечения этих прав» [1, с. 13–14].

Во-первых – это опосредованная система; во-вторых – внешне регенеративная по элементам и не имманентная. Регенеративность – это способность системы восстанавливать свои элементы, когда же мы говорим, о том, что система внешне регенеративная элементы могут восстанавливаться с помощью других систем. «Имманентные системы имеют такое системообразующее отношение, которое охватывает элементы только данной системы. В неимманентной системе системообразующее отношение охватывает также элементы, выходящие за рамки данной системы» [8, с.168].

Не имманентная, то есть такая политическая система, которая активно входит во взаимодействие с другими системами, в том числе и не политическими. С другой стороны, внешне регенеративность объясняется тем, что в систему открыт доступ (теоретически) любым представителям населения. Демократия предполагает в первую очередь то, что система не будет сильной. Дело в том, что предполагается, что она служит тому, что любой член общества может самостоятельно развиваться и жить, выбирать свой путь и система абсолютно не вторгается в его жизнь, за исключением случаев, предусмотримых законом или в случаях, когда существует угроза другим гражданам. И наконец, система – не завершённая, так как в системе возможны изменения и дополнения. И наконец, структура, хотя и в демократии существует реляционная структура, в ней более выражена атрибутивная структура, в демократическом обществе граждан объединяет наличие у них прав и общих интересов, а не система строгих регуляций и органов репрессий.

Казалось бы такие характеристики должны говорить нам о системе весьма ненадёжной и неустойчивой. Такая система будет нестабильна и не стационарна, любое изменение внутри системы может привести к кризису. А то преимущество, что она не завершённая быстро аннулируется в силу того, что она нестабильна и не стационарна. Слабость системы говорит о том, что хотя у неё принципиально есть возможность справиться с внешним разнообразием, она абсолютно беззащитна перед внутренним разнообразием.

Но одно дело, когда мы говорим о том, что декларируется и о том, что есть на самом деле. Построить в том виде демократию, как она заявляется, практически невозможно. На практике, как мы видим, получается крайне не стабильное образование.

Попробуем рассмотреть либеральную демократию под иным углом. Действительно, в либеральной демократии развита атрибутивная структура. Вы можете творить разные культурные произведения, вы можете ничего не творить, вы можете быть чёрным или белым, но вас объединяет одно. У вас есть права, которые государство должно защищать и у вас есть свобода. Но на самом деле этого недостаточно. Одной развитой атрибутивной структуры – это мало.. Каким бы ни было демократическим государством Англия, при проведения реформ Маргарет Тэтчер использовала все силы спецслужб и полиции для подавления рабочего движения и ликвидации оппозиции профсоюзов (вероятно, в отличие от тоталитаризма демократии так действовать можно). С другой стороны, Герберт Прантл в книге «Террорист как законодатель» отмечается рост слежки и контроля за простыми гражданами в демократических странах. Ф. Бзежинский отмечал, что критерий тоталитарного государства – отсутствие принципиального ограничения на контроль за гражданами. Но в условиях нынешней истерии о терроризме, данный критерий применим и к ряду демократических государств. Дело в том, что демократии превращаются в «превентивные» государства [9, с.115]. «Гражданин принципиально подозревается, происходит своего рода обесценивание принципа невиновности подозреваемого, за ним может быть установлен абсолютный контроль, а при малейшем подозрении против него могут быть применимы репрессии» [9, с.117].

Таким образом, мы видим, что и реляционная и атрибутивная структуры развиты в равной степени. А авторегенеративность? Это ведь необходимое условие стационарности и стабильности! Действительно, народ может напрямую влиять на систему и выдвигать своих кандидатов. Такая система естественно будет не стабильна, ведь при изменении состава парламента, правительство будет менять свой курс, конечно же, оно не будет стабильно. Кроме того, мы можем говорить о том, что в систему может пройти множество некомпетентных людей. «Этот строй, во-первых, создает чрезвычайно плохое и, что еще важнее, не авторитетное правящее сословие... Современных политиканов – просто презируют повсюду, где демократический строй сколько-нибудь укрепился. Это презрение отчасти происходит от невысокого умственного и нравственного уровня политиканов» [7].

Данная оценка либеральной демократии достаточно жестка и не совсем справедлива. Со временем в демократических режимах начинает формироваться настоящая элита из людей, профессионально занимающихся политической деятельностью. Это в принципе стабилизирует систему, как правило, не существует одной правящей элиты, существует несколько группировок, но это позволяет сократить отчасти излишнее разнообразие и сделать систему частично авторегенеративной. Зачастую это становится причиной критики либеральной демократии.

Сторонники прямой демократии утверждают, что в представительной демократии власть большинства выражается слишком редко – в момент выборов и референдумов. Реальная же власть сосредоточена в руках очень небольшой группы представителей. С этой точки зрения, либеральная демократия ближе к олигархии, в то время как развитие технологий, рост образованности людей и повышение их вовлечённости в жизнь общества создают предпосылки для передачи всё больших властных полномочий в руки народа напрямую. Марксисты и анархисты полностью отрицают, что либеральная демократия является народовластием, называя её «плутократией». Они утверждают, что в любой буржуазной демократии реальная власть сосредоточена в руках у тех, кто контролирует финансовые потоки. Только весьма состоятельные граждане могут позволить себе политические кампании и распространение своей платформы через СМИ, так что избранной может быть только элита или те, кто заключают сделки с элитой.

Но исходя из системных закономерностей, такая ситуация вполне естественна. Кроме того об этом же говорит и «Железный закон олигархий» Р. Михельсона. А поэтому такую ситуацию скорее надо не критиковать, ибо она неизбежна, а искать пути стабилизации и оптимизации. Да, прямая демократия хороша с одной стороны. Но с другой стороны, народная воля весьма абстрактна, а необходимых знаний не всегда хватает. «Народ твердо хочет одного: *чтобы дела страны шли хорошо*. Народ, исторически живший, составляющий нечто сплоченное, отличное от соседей, еще не разбившийся на непреодолимо враждебные группы, имеет еще другую волю: *чтобы дела страны шли в известном духе*, к которому он исторически привык и которому доверяет... Как иметь волю в отношении того, о чем я не имею и понятия? В каждом вопросе немногие смыслят хорошо, немногие

кое–что, а 99/100 – ровно ничего. Но в каждом случае имеется громаднейшее большинство, которое ничего не понимает и никакой другой воли не имеет, кроме того, чтобы все было хорошо» [7].

Да, в некоторых случаях к власти может прийти абсолютно некомпетентная власть, чьи поступки могут привести к росту проблем и кризису. Но данный вопрос лежит на системном уровне и скорее данная система – внешнерегенеративна, а отсюда и множество проблем.

Для прояснения этого вопроса посмотрим на реально действующую либеральную демократию США. Там существует двухпартийная система. Кроме республиканцев и демократов к власти прийти никто другой не может. Эти две партии близко связаны (в случае победы на президентских выборах кандидаты третьих партий и независимые кандидаты столкнулись бы потом с обескураживающей их проблемой. Это проблема управления – кадрового обеспечения администрации, а затем работы с Конгрессом, где господствующее положение занимают республиканцы и демократы, у которых были бы лишь ограниченные стимулы сотрудничать с президентом, представляющим не основную партию). С другой стороны, эти партии представляют собой устоявшуюся крепкую элиту, чье существование стабилизирует и укрепляет систему, превращая её в авторегенеративную.

Центрированность системы. Это отдельный и более специфический вопрос. Либеральная демократия – это опосредованная система. Но здесь существует очень тесная связь между экономической и политической элитой, и корпорации оказывают сильнейшее влияние на политическую жизнь государства. Помня о предположении, выдвинутом Джоном Перкинсом в книге «Исповедь экономического убийцы»: "Это люди, мужчины и женщины, которым принадлежат крупнейшие корпорации. Они контролируют правительство США через финансовые институты и большую часть правительств мира. Этими людьми движет единственная идея– извлечение максимальной прибыли" [5, с.110], мы можем предположить, что нынешние либеральные демократии – это внешнецентрированные системы, вследствие корпоратократии.

Сила системы является для нас одним из важнейших факторов оптимальности системы. Мы можем предположить, что массовая культура в этом отношении полностью восполняет недостаток общегосударственной, обязательной культуры, идеологии. Массовая культура, поп–культура, масскультура, культура большинства – культура, популярная и преобладающая среди широкого слоя населения. Предпосылки формирования массовой культуры заложены в самом наличии структуры общества. Хосе Ортега-и-Гассет сформулировал известный подход к структуризации по признаку творческой потенции. Тогда возникает представление о «творческой элите», которая, естественно, составляет меньшую часть общества, и о «массе» – количественно основной части населения. Соответственно, становится возможным говорить и о культуре элиты («элитарной культуре»), и о культуре «массы» – «массовой культуре».[3, с.210–300] В этот период происходит разделение культуры, детерминированное формированием новых значительных социальных слоев, получающих доступ к полноценному образованию, но не принадлежащих к элите. Получая возможность для осознанного эстетического восприятия явлений культуры, вновь возникающие социальные группы, постоянно коммуницирующие с массой, делают значимыми в общественном масштабе явления «элитарной» культуры и одновременно проявляют интерес к «массовой» культуре, в некоторых случаях происходит их смешение. Этот смешанный продукт даёт системе так необходимую силу, она поглащает и перестраивает человека в зависимости от требования системы. Будь то какая–та модель поведения или идея постоянного потребления и т.д. Человек начинает слепо следовать рекламе, штампам телевидения, человек становится легко предсказуемым и контролируемым.

Правильно поданная информация по СМИ может повернуть и изменить «общественное сознание», а массовая культура контролировать развитие личности в нужном русле. Собственно, отсюда и относительное спокойствие в развитии европейских стран и в то же время отсюда происходят и проблемы с эмигрантами с Ближнего Востока. Они представляют собой элементы достаточно сильной системы, которая составляет важную часть их бытия. Потому они вносят тот беспорядок и разнообразие в европейские системы, и они не могут справиться с ними, отсюда вечные кризисные ситуации и столкновения, отсюда угроза их стабильности, а возможно, и существования европейских государств.

В любом случае, рано или поздно, начнётся процесс по усилению системы с целью повышения гомогенизации. Особенно, учитывая тенденции к эмиграции людей с Ближнего Востока. Умма – это исламская община, которая оказывается крепким орешком для масскультуры. «Мусульмане хотят строить своё собственное государство на основе шариата. Это соответствует их

нормам, но не соответствует нормам демократического общества. Но подавлять такие устремления мы не можем, потому что мы должны быть толерантны» [9, с. 329].

Эрнст Оффнер в ряде своих докладов отмечает необходимость решения этой проблемы: «Необходимо быть толерантными, но в то же время необходимо решить проблему того, что другие религии не разделяют право и религию, религию и государство, нам необходимо их направить на это разделение. Нельзя рассматривать толерантность как просто терпимость ко всему, необходимо и защищать основные права человека и сделать их неприкасаемыми [9, с. 329-335]. Естественно, такая система не может быть сильной. А это может привести впоследствии к кризисным явлениям. Поэтому государство решает это, борясь лишь с симптомами (например, терроризмом) силами спецслужб, но вполне возможно, что такая ситуация впоследствии приведёт к тому, что политическая система либеральных демократий перестанет быть оптимальной. Возможен и другой вариант развития: политическая система демократических государств приобретёт значение атрибутивного параметра тоталитарной системы, то есть такой системы, в которой все отношения будут определяться через концепт системы.

Таким образом, мы можем сказать, что демократия в том идеальном виде, в котором она постулируется, практически невозможна. Если прямая демократия доказала свою работоспособность без постепенного превращения в какую либо другую политическую систему, то в либеральной системе, как показывает параметрический анализ, со временем будут возникать черты авторитаризма. Например, как мы ранее называли превращения демократических государств в превентивные, контроль за населением, репрессивные акции и т.д. Народ перестанет быть источником власти в том виде, в котором это декларируется демократиями. С другой стороны, на первое место выйдет в определении демократичности не та роль, которая будет у населения в государстве, а реальная способность государства обеспечить комфорт проживания граждан и обеспечения основных базовых демократических свобод.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гречин А. С. Политология : Учебник для студ. вузов / Александр Степанович Гречин, Г. С. Лукашев, Владимир Николаевич Лавриненко [и др.] ; под ред.: Владимир Николаевич Лавриненко. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : ЮНИТИ, 2003. — 544 с.
2. Кубанова М. Н. Гражданская война 1847 года в Швейцарии/М.Н.Кубанова — Режим доступа: <http://historical-articles.blogspot.com>
3. Ортега-и-Гассет, Хосе Восстание масс / Хосе Ортега-и-Гассет. — М. : АСТ, 2001. — 510 с.
4. Пейн Т. Права человека / Томас Пейн.— М.:АСТ,2009. —210 с.
5. Перкинс Д. Исповедь экономического убийцы / Д. Перкинс.—М.:Pretext, 2005 — 319 с.
6. Соколов Б.В. 100 великих войн / Б. В. Соколов.— М.: «ВЕЧЕ»,2009.—600 с.
7. Тихомиров Л. Критика демократии / Л. Тихомиров.—Режим доступа: http://www.hrono.ru/statii/2005/tikhom_kd18.html.
8. Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем / А. И. Уемов. – М.: Мысль, 1978. — 272 с.
9. Offner E. Evangelisch ist auch katholisch. EinProtestantischeBlick auf Kirche und Gesellschaft / E. Offner.—Munchen:CLAUDIUS,2008—400 s.
10. Prantl H. Der Terrorist als Gesetzgeber. Wie man mit Angst Politikmacht / H. Prantl.—Munchen: Droemer,2008.—220 s.

© *Гвоздецкая О. А.*

Гвоздецкая О. А. – аспирантка кафедры естественных наук философского факультета Одесского национального университета имени И. И. Мечникова.

УДК: 11:316.772.5:398.25

ФЕНОМЕН «ПРИКОЛА» В ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ

В статье рассматриваются новые формы коммуникации, возникающие в интернет-пространстве и служащие основой для социализации, в том числе, и вне-виртуальной. Статья написана на основе материала флеш-сериала «Мистер Фримен».

Ключевые слова: интернет-коммуникация, социализация, прикол, булшит.

ФЕНОМЕН «ПРИКОЛУ» В ГЛОБАЛЬНІЙ МЕРЕЖІ

У статті розглядаються нові форми комунікації, що виникають в інтернет-просторі і служать підґрунтям для соціалізації, у тому числі і поза-виртуальної. Стаття написана на основі матеріалів флеш-серіалу «Містер Фрімен».

Ключові слова: інтернет-комунікація, соціалізація, прикол, булшит.

“TRICK” PHENOMENON IN THE GLOBAL NETWORK

New forms of communication which appear in the internet-space and are the ground for socialization including non-virtual socialization are researched in the article. The article is written on the materials of flesh-serial «Mr. Freeman».

Keywords: internet-communication, socialization, trick, bullshit.

Слишком часто мы слышим от философов о смертях: Бога, истории, философии, социального и т.д. Последним по времени удостоилось «смерти» социальное – её зафиксировал Ж. Бодрийяр. В своём эссе «В тени молчащего большинства» он утверждает, что массы – ничто, «непроницаемая и непрозрачная реальность», вокруг которой вращается все социальное [1, с. 7]. Доведя актуальность «массового» до непоколебимой истины, Бодрийяр «убил» всякое социальное, между строк подразумевающееся за «массовым». Аргументация Бодрийяра вовлекает в свой круг, кажется безупречной, и одновременно вызывает у автора этих строк желание с ней спорить, искать точки неправоты.

Попытке оспаривания тезиса Бодрийяра о смерти социального и посвящена данная статья. Мы попытаемся проанализировать некоторые маргинальные феномены современного социального пространства, которые практически не становятся предметом внимания в социальной философии в силу своей неспособности быть подвергнутыми анализу в рамках традиционных исследовательских схем. Их просто не видит социальная философия. На наш взгляд, феномен виртуальной коммуникации должен занять достойное место в социально-философских исследованиях. В качестве теоретической базы исследования мы опирались на многочисленные в последние годы разработки в области медиафилософии (Е. Сурова [8], В. Савчук [7], А. Конева [4] и др.).

В качестве исходного предположения мы позволим себе выдвинуть тезис о том, что именно в сфере виртуальной коммуникации проявляются те новые формы социальности, анализ которых не позволит далее утверждать смерть социального. Объектом исследования в данной статье становится интернет-коммуникация. Предметом же мы позволим себе обозначить феномен "прикола" в пространстве Интернет. Конкретным материалом для анализа является феномен флэш-сериала Фримен, появившегося в сети в 2009 г. Таким образом, целью нашей исследовательской разведки является выяснение специфики сетевой коммуникации в контексте феномена "прикола". Для достижения этой цели мы предлагаем рассмотреть сущность феномена прикола в сравнении с близким по форме, но иным по содержанию феноменом «булшита» (Г. Франкфурт). Мы попытаемся выяснить коммуникативную природу сетевого прикола в контексте проблемы смерти социального. Исходное предположение нашей исследовательской разведки состоит в том, что тезис о молчании масс выдвинут преждевременно - центры социальной коммуникации перемещаются в то пространство, которое не прощупывается традиционными структурами власти (или любой иной формой влияния-управления).

Оттолкнувшись от посылок Ж. Бодрийяра, попытаемся двигаться в русле его рассуждений и терминологии. Актуализация кризиса вне-информационной коммуникации требует нового взгляда на инструменты символического обмена. Перераспределение ролей «создателя» - «потребителя»,